

А. В. Амелина (Москва, Россия)

Русские писатели в чешской среде 1920-х гг.: периодика либерально-демократического крыла (журнал «Розправы Авентина»)

1920-е годы для Чехии стали «золотым веком»: обретение национальной независимости вызвало взрыв в культуре, возникло множество новых культурных течений. В политической жизни тоже наблюдался значительный плюрализм, который в свою очередь сильно влиял на культуру. Она стала очень политизированной, периодические издания, и литературные журналы в частности, отстаивали принципы того или иного идеологического направления, в связи с чем художественные явления могли трактоваться диаметрально противоположно. Поэтому продуктивно изучать восприятие русской литературы в эту эпоху нам позволяет дифференцирование источников в соответствии с их политической ориентацией. Такой подход показывает, с одной стороны, многообразие и противоречивость чешской культурной жизни, с другой — многогранность русских писателей, чье творчество попадает на чешскую почву. В данном докладе мы отразим рецепцию русской литературы изданием либерально-демократического крыла «Розправы Авентина» («*Rozpravu Aventina*») и постараемся наметить перспективы сравнения результатов с уже изученным нами левым блоком чешской культуры.

«Розправы Авентина» (1925–1934) — журнал о культуре, публиковавшийся издательством Авентинум, миссией которого было знакомство читателя с авторами: там выходили биографии, интервью, воспоминания и комментарии писателей к собственным произведениям, карикатуры (в том числе Й. Чапека) и фото, а также освещались культурные события Чехии и Европы. Сначала журнал выходил раз в две неде-

ли, а с 1928 г. — раз в неделю, постепенно материалы становились всё богаче и разнообразнее. Само издательство Авентинум было основано в 1919 г., тогда Отакар Шторх-Мариен познакомился с братьями Чапеками и заполучил их в качестве своих главных авторов вместе с другими членами их семьи (например, их сестра Гелена и К. Шайнпфлюг, свекр Карела, тоже у них публиковались). Включая их произведения к 1925 г. там было издано 100 томов. Вторая половина 1920-х гг. стала золотой порой Авентинума — помимо упомянутого журнала и других периодических изданий были открыты книжный магазин и Авентинская мансарда, где проходили выставки и культурные вечера, — этот зал стал важным пражским культурным центром. Однако в начале 1930-х гг., в частности в связи с экономическим кризисом, у издательства возникли финансовые трудности, ситуация ухудшилась с уходом братьев Чапек из-за утайки от них части проданных тиражей. В 1932 г. издательство прекратило свою работу (позже оно открылось еще раз и функционировало с 1945 по 1949 г.).

Среди постоянных критиков журнала были основатель издательства Шторх-Мариен, а также Иржи Карасек из Львовиц, Карел Чапек и др. Материалы о русской литературе писали в первую очередь Надежда Филаретовна Мельникова-Папуошкова (фольклорист и переводчик русского происхождения, жена Я. Папуошека — секретаря Т. Г. Масарика) и ее близкий друг, редактор, журналист и переводчик с русского Вацлав Кёниг, а также Франтишек Кубка (журналист националистического толка, переводчик, дипломат, член группы «пятничников» К. Чапека). Несмотря на определенную идейную направленность издания, редакция проявляла терпимость к своим идеологическим оппонентам: например, о С. А. Есенине там была опубликована статья Л. Троцкого, также там печатались материалы яркого в то время коммуниста Иржи Вайля.

Центральной фигурой современной русской литературы в «Розправах Авентина» и по количеству публикаций, и по восторженности отзывов был И. Г. Эренбург. В рецензии (Noví Rusové 1925: 10) Кубки на вышедшую в серии «Новые русские» Авентинума повесть Лидина «Морской сквозняк» утверждается, что Эренбург и Лидин — европейские люди, культурно близкие западу и русскому футуризму. По мнению автора, у них революция лишь фон, база для приключений и утопий, а Запад они ненавидят от всего сердца; они бродят по экзотическим странам или по большим городам, их родина — Берлин, Париж, Нью-Йорк, куда они приходят с медвежьей тяжелой поступью нового советского гражданина; они высмеивают все — и свою революцию тоже, русско-го в них остался нигилизм, мистицизм материи и жестокая гримаса всему миру, аморальность — их новая этика, журналистский слог — их естественный язык. Позже в статье «Илья Эренбург» Кубка продолжил свою мысль. Критик убежден, что писатель стал посредником и переводчиком русской революции и литературы о ней в Европе и первым автором-космополитом в России, его проза всегда имеет «экспортный» характер и могла бы быть написана на любом западном языке, а семитское происхождение обеспечивает высший уровень интеллектуального юмора; Кубка считает, что каждое произведение Эренбурга — сенсация и что он является современным представителем русского карамазничества, яро националистически воспевая страдающую Русь и молясь за нее православными антифониями, он перенял и развил мотивы, которые обессмертил Блок и которые воплотились в страстных криках духовного экстаза Белого; «типы, которых создал Эренбург, Пильняк, Вс. Иванов, Никитин и Маяковский, взяв из реальности, имеют жуткое сходство со страстными мечтателями и бесами угасающего Средневековья, <...> разве удивительно, что и Эренбург, и Маяковский, и вся остальная революционная литература одурманена хилиастическими видениями и предчувствием

Антихриста? <...> Именно Эренбургу было дано описать эпоху кровавого революционного действия в мировом масштабе» (Kubka 1925: 19). Очевидно, для редакции очень были важны, с одной стороны, «экспортность и западность» этого писателя, а с другой — продолжение им традиций классической русской литературы, в особенности Ф. М. Достоевского. В левых изданиях Эренбург в лучшем случае игнорировался, единично появлялись отрицательные отклики, хотя, например, в «Руде право» признавали его чрезвычайную популярность.

Похожим образом ситуация складывалась и с С. А. Есениным. Поэт уже тогда был очень популярен в Чехии, в «Роз-правах Авентина» его воспринимали как носителя русских традиций, которого уничтожила революция. В рецензии на чешский сборник «Другая земля» критик пишет, что свою хаотическую и беспокойную натуру поэт не сумел вписать в строгий пореволюционный порядок, его мелодичный стих и измученное сердце не соответствовали эпохе, его революционная форма разбилась об осколки всех общественных традиций; он был самым крупным русским поэтом, причем именно поэтом, а не агитатором, распад империи застал Есенина врасплох, он стал пить: «Взрыв основ, ненависть и революционный хаос в своих эпических импровизациях он выразил так внушительно, что они звучат громче, чем ряд ученых докладов о сути и истоках русской революции» (Fraenkl 1927: 143). В левых же изданиях Есенин преподносился как певец революции, внутренний мир которого был слишком хрупок для установленных ею порядков.

Полемику на страницах журнала вызвал Е. И. Замятин. К выходу в издательстве романа «Мы» была опубликована статья Мельниковой-Папоушковой о писателе, где она пишет, что тот до мозга костей русский и в то же время он настоящий европеец, в нем ошутимы два влияния — глубинной Руси и солидной Англии, и ему удалось соединить русский тип с английской мужской элегантностью; с художественной точки зрения его творчество находится между Лесковым

и Диккенсом, в «Мь» он показывает русскую реальность как в кривом зеркале, предсказывая, во что может превратиться коммунизм (Melniková-Papoušková 1927). Вскоре после выхода этой статьи в «Розправах Авентина» было опубликовано письмо (Weil 1927: 35) в редакцию Вайля, где он опроверг такую характеристику писателя, утверждая, что Замятин не выступал против революции и советской власти и активно боролся против царизма, и отмечая, что он был не обычным писателем-эмигрантом, прятавшимся в теплом комфорте Европы, а советским писателем, которого публикуют в СССР. В свою очередь, в рецензии на роман «Мь» в «Руде право» Замятина восхваляли за высмеивание Англии и отрицание ее «системы эксплуатации» (Fučík 1927: 6), тем самым левое крыло пыталось «перетянуть» писателя на свою сторону.

В. В. Маяковский в левых изданиях был главным русским поэтом, да и в целом автором, пожалуй, тоже. А в «Розправах Авентина» рецензия Шторх-Мариена на чешский перевод «150 000 000» Маяковского была достаточно жесткой: «Нельзя сравнивать Маяковского с Блоком. Блок — поэт религиозного вдохновения, а Маяковский — тенденциозный риторик и партийный крикун. Он неприятен безвкусной напыщенностью, <...> однако он интересен чувством динамичности стиха и слова, ритма, что показано переводом Матезиуса. Его революционная поэзия надута содержанием, как воздушный шарик, рано или поздно он лопнет и упадет, а данная поэма показывает, что это случится скоро. Некоторые пассажи бурлят решительными потоками свежих толп со сжатыми кулаками, но это не спасает художественно низкопробные и содержательно неудачные главы <...> — даже ненависть имеет свои, пусть и художественные границы. В остальном он не отличается от блюющего пса» (Štorch-Marien 1925: 26).

Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что либерально-демократическое крыло в лице его яркого представителя — журнала «Розправы Авентина», с одной

стороны, имело «своих» русских авторов, которых игнорировали политические оппоненты и которые отбирались по принципу их культурной близости чехам («европейскости») и имманентной непринадлежности к большевикам вкупе с продолжением традиций классической русской литературы; с другой стороны, писателям из идейно противоположного лагеря давалась отрицательная оценка или их вовсе не замечали. Кроме того, были неоднозначные русские писатели, которым разные политические лагеря приписывали свои взгляды, пытаясь тем самым записать их в свой актив.

Литература

- Fraenkl 1927 — *P. F. [P. Fraenkl]* S. Jesenin: Jiná země // *Rozpravy Aventina*. Ročník 2/1926–1927. Č. 12. 03.03.1927. S. 143.
- Fučík 1927 — *-jef- [J. Fučík]*. Zamjatin: My // *Rudé právo*. Č. 232. 30.07.1927. S. 6.
- Kubka 1925 — *Kubka F.* Пја Erenburg // *Rozpravy Aventina*. Roč. 1. 1925–1926. Číslo 2. 15.10.1925. S. 19.
- Melníková-Papoušková 1927 — *Melníková-Papoušková N. E. I.* Zamjatin // *Rozpravy Aventina*. Roč. 3. 1927–1928. Č. 1. 09.1927. S. 9.
- Noví Rusové 1925 — *Noví Rusové* // *Rozpravy Aventina*. Roč. 1. 1925–1926. Č. 1. 15.09.1925. S. 10.
- Štorch-Marien 1925 — *Štorch-Marien O.* VI. Majakovskij: 150,000.000 // *Rozpravy Aventina*. Roč. 1. 1925–1926. Č. 2. 15.10.1925. S. 26.
- Weil 1927 — *Zasláno [J. Weil. Dopis]* // *Rozpravy Aventina*. Roč. 3. 1927–1928. Č. 3. 27.10.1927. S. 35.

Russian Writers in the Czech Environment in the 1920s: the Period of the Liberal-democratic Political Wing (*Rozpravy Aventina Magazine*)

The article examines the perception of Russian literature by the Czech literary criticism of the liberal-democratic political orientation from the magazine *Rozpravy aventina* in the 1920s. For this ideological direction, the selection of authors of modern Russian literature was made according to the criteria of closeness to European culture and the continuation of the traditions of Russian classics

(I. Erenburg), while writers from the ideologically opposite camp were given a negative assessment or were not noticed at all (V. Mayakovsky). Some writers, in turn, were “torn apart” by the opposing camps, attributing their views to them (S. Yesenin, Y. Zamyatin).

DOI: 10.31168/0459-6.39

Э. Тарабурка (Кишинев, Молдова)

Имплицитна и експлицитна история в творчеството на Йордан Радичков и Йон Друца

Й. Радичков, както и Й. Друца, се нареждат сред най-емблематичните фигури в литературното пространство на България и Молдова. Опитът да се анализира в сравнителен план творчеството им е интересен по няколко причини. Дватама писатели произхождат от народи, които в общи линии са преминавали един и същи исторически път от древността до днес. Творчеството им предлага възможност да се проследи индивидуалният подход, по който едни и същи изменения в социалната среда и в психологията на хората от различни страни са възприети и възпроизведени с помощта на специфични литературни средства.

Както Радичковият, така и Друцевият човек актуализира в чувствителността и поведението си филогенетическите кодове на рода и представлява един постоянно повтарящ се архетип; не е нито единичен, нито самостоятелен, а принадлежи към по-голяма цялост — селячеството. Литературният им герой (Радичковият в по-голяма степен, отколкото Друцевият), надхвърляйки конкретните си координати, е по-скоро «експериментален материал» (Добрев 1993: 97) с безкрайна редица проекции.

Радичковият текст доказва стремежа към откъсване от конкретни исторически парадигми и локализиране в някакво извънисторично, без конкретно очертани идеологически,